

ЗАСЕНКО Л. А. — ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

ЗАСЕНКО Леонид Антонович, родился в 1900 в Киеве. Окончил институт и аспирантуру. С 1929 — научный сотрудник кафедры зоотехники в Педагогическом институте, работал также старшим зоотехником племхоза. В 1930 — привлекался к следствию по групповому делу, приговорен к 3 годам ИТЛ условно и освобожден из-под стражи. 14 января 1934 — уволен из института, Весной 1935 — арестован как «участник контрреволюционной организации в области животноводства» и заключен в Киевскую тюрьму. 14 октября 1935 — приговорен к 6 годам ИТЛ с конфискацией имущества и 5 годам поражения в правах. В ноябре 1935 — обратился за помощью в Помполит, передав копию своего заявления генеральному прокурору СССР.

<2 ноября 1935>

«Копия.

МОСКВА, ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Осужденного в ИТЛ
ЗАСЕНКО Леонида Антоновича,
пребывающего в Киевской тюрьме.
Дело 1315.

З а я в л е н и е

14 октября 1935 г<ода> я присужден Спец<иальной> Коллегией Верховного Суда УССР к шести годам далеких исправ<итель>но-трудовых лагерей с конфискацией личного имущества и пяти годам поражения в правах по ст<атьям> 57-4, 54-11 по делу контрреволюционной организации в области животноводства.

Свою виновность по этим статьям я отрицал и отрицаю, а потому решение суда считаю незаслуженным.

Участником контрреволюционной организации я не состоял, в чем можно убедиться из показаний Головы организации и ее участников, которые, как видно из материалов, заявляют, что я, якобы, был только членом, но никто мне никаких заданий не давал, и со мною разговоров не вели все пять лет существования этой организации. Во время следствия я представлял себе, что участие в научно-исследовательской кафедре и есть невольное участие в контрреволюционной организации и, однако, получив обвинительное заключение, я убедился, что это было не одно и то же, и на суде заявил об этом.

В конце обвинительного заключения указано, что я принят в организацию в 1929 году. Этот срок является временем моего вступления, после окончания аспирантуры, в члены кафедры, в то время, как организация, согласно данным следствия, начала существовать с 1930 года, а в обвинительном заключении указано, что я втянут в нее последним (первые страницы). Таким образом, выходит, что я вступил в контрреволюционную организацию раньше, чем она организовалась, причем, и никаких заданий не получал, и разговоров со мной тоже не вели.

Вредительство на практике, т<о> е<сть> в племхозе Терезино, указанное в обвинительном заключении, откинуто судебным следствием. Отмеченные указания о болезнях животных и некоторые другие, не поднимавшиеся в процессе суда, но отмеченные в его постановлении, касаются старшего ветеринарного врача. Указания же о каких-то записях в

колхозах, хотя и помянуты между прочим, но являются вымыслом, так как я никогда не бывал в последних.

Сознаю, что я допустил в литературных работах ряд ошибок Чаяновского порядка неумышленно, т^{ак} к^{ак} никогда не изучал его теории, причем, эти ошибки относятся к периоду до 1930 года. Благодаря однажды допущенной за трехлетний период педагогической работы ошибки того же порядка я был снят с работы в Институте. Отмечаю, что я не имел возможности выступить с самокритикой моих ошибок, т^{ак} к^{ак} мой доклад по этому поводу был назначен на 8-е февраля 1934 г^{ода}, а уволили меня из Института 14 января 1934 г^{ода}. На суде я отметил, что моему снятию с работы в Институте содействовали личные счеты: члены контрреволюционной организации СТАРОВЕРОВ и НАЗАРЕНКО признали, что были со мной в неприязненных отношениях. Следовательно, их показания вообще надо подвергнуть сомнению.

В конце обвинительного заключения сказано, что я состоял членом еще другой контрреволюционной организации и в 1930 году за таковую получил 3 года условно, в то время, как меня в действительности привлекли в 1930 году по ст^{атье} 54-12, а не 54-11, и из протоколов следствия 1930 г^{ода} видно, что я даже не знал о существовании таковой организации.

Не могу не указать, что рецензия экспертизы на 90% неправильна и, несмотря на мою просьбу подвергнуть ее проверке и несмотря на мои указания, что и следователь, не будучи специалистом в области животноводства, поймет это, сравнивая данные, моя просьба не была удовлетворена. За время суда, по предложению прокурора, мне не было дано возможности доказать неправильность экспертизы до конца путем дачи вопросов эксперту, хотя частично я это успел сделать.

В обвинительной речи прокурор также указал, что мои родители бежали за границу, в то время как мой отец умер в 1919 году здесь, а мать проживает со мной в Киеве.

На основании изложенного, прошу Вас рассмотреть мое дело и смягчить приговор Верховного Суда УССР.

Считаю, что если меня и следует наказать, то только за неумышленные ошибки в работах до 1930 года и то не по ст^{атьям} 54-7, 54-11, т^{ак} к^{ак} вредительство по племхозу откинуто самим судебным следствием, а в контрреволюционной организации я никогда не состоял.

Показатели по животноводству в племхозе, где я был старшим зоотехником, за 1934 год были выполнены, и племхоз занял 2-ое место по НКЗ СССР.

О себе могу добавить, что страдаю болезнью желудка, что заставляет меня до конца жизни пребывать на диете.

На моем иждивении состояли до ареста жена и ребенок.

Подлинный подписал

Л. ЗАСЕНКО.

Киев. 2/XI-1935 г^{ода}»¹.

В декабре 1935 — Леонид Антонович Засенко был отправлен в Ухтпечлаг. 19 февраля 1938 — арестован в лагере, 15 марта приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1505. С. 92-95. Машинопись.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.